

**Айсин эйхэн - altin eshak,
или к проблеме тюркского источника нескольких маньчжурских слов**

Опубликовано в кн.: Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII.
СПб., изд. СПбГУ, 2000. С.18-25.

Взгляды на противопоставление алтаистики как научной дисциплины, предполагающей или признающей генетическое родство алтайских языков, и антиалтаистики, которая отрицает генетическое родство алтайских языков и объясняет лексические и морфологические сходства в этих языках следствием заимствований, не вполне адекватно отражают трактовку объекта исследования. С одной стороны, убежденные алтаисты никогда не отрицали фактов многочисленных межгрупповых заимствований в алтайских языках. С другой стороны, хотя под "алтаистикой" в последнее десятилетие в высказываниях отдельных ученых и стали пониматься исследования контактных связей алтайских языков, пока никому не удалось (и очевидно, не удастся) доказать смешанное происхождение хотя бы одной из групп языков алтайской семьи - монгольских, тюркских или тунгусо-маньчжурских языков; признание "смешанности" корейского и японского языков предполагает наличие в них доминирующего алтайского компонента, который не связывается с материалом какой-то конкретной группы языков, именуемых алтайскими - например, только тюркским или только монгольским; что же касается признания комплексного - монголо-тунгусского или монголо-тюркского влияния на языки Дальнего Востока, то такие взгляды были бы очевидным абсурдом в основном с историко-этнографической точки зрения.

В том, что сторонники генетического родства алтайских языков обращаются к анализу заведомо заимствованной лексики, есть свои основания. Это не только каталогизация и демонстрация заимствованного материала - единственные цели, которые преследуются антиалтаистами. Это прежде всего те аспекты исследования, о которых алтаистика во времена Рамстедта и Поппе могла только мечтать - возможность на основании анализа бесспорных межгрупповых заимствований проверить и подтвердить отдельные положения реконструкций по отдельным группам языков, возможность выработать новые, более надежные критерии определения заимствований и установления их направления, которые основываются на отклонениях от фонетических соответствий в рамках общеалтайской реконструкции.

Такой подход к хорошо известному языковому материалу позволяет подтвердить некоторые предположения, ранее не находившие достаточных оснований или являвшиеся гипотетическими, а также найти некоторые новые решения относительно слов, происхождение которых казалось ранее трудно установимым.

Маньчжурское слово *айсин* 'золото' в имеющейся литературе практически всегда единодушно связывалось с тюркским *altun, altin* и монгольским *altan* 'золото'. При этом сам Н.Н.Поппе допускал возможность тюркского происхождения данного слова для маньчжурского языка с фонетическим развитием *altin >*alcin >*alsin > ajsin.

При этом зафиксированная в материалах малого чжурчжэньского письма форма 'an-c'un, *ajsin* золото (альтернативное, более частотное написание 'an-c'un-wen) не подтверждается материалами других тунгусо-маньчжурских языков, которые содержат только заимствование из маньчжурского языка - ср. ма. *ajsin* золото, нан. *ajcu(n)*, ульч. *ajcu(n)*, уд. *aicus*, нег. *ajsin* золото. ТМС I, 226-23а айсин. Маньчжурские слова *анчу*

'благовонный порошок', и *анчун* 'серьга' не имеют точных семантических соответствий в языке МЧП, в свою очередь данные маньчжурские слова не имеют значения "золото", поэтому предположение авторов ТМС о заимствовании этих слов из "чжурчжэньского" в маньчжурский язык остается на их высоком научном авторитете. Если принимать всерьез, "чжурчжэньское" чтение *ancun*, индуцируемое написанием МЧП, напрашивается мысль о том, что слова **анчун* и *айсин* заимствованы из разных языков. Однако есть основания вообще не рассматривать это чтение и трактовать написание как идеограмму с чтением *ajsin* - к такому выводу приводит наличие в материалах малого чжурчжэньского письма написания *han-ma* 'меч' (ТМС II, 924б, указатель) с чтением *seleme* 'меч' - скорее всего это альтернативное написание слова *seleme* 'меч'; ср. ма. *сэлэмэ, сэлэму* 'меч', нан. орок. *сэлэмэ* 'железный', сол. *сэлэм, сэлэмэ* 'сабля', эвенк. *сэлэмэ* 'железный, сабля' + п.-мо. *seleme* 'сабля'. ТМС II, 140а-141а сэлэ. В "чжурчжэньской" лексике имеется и написание *sieh-lich*, *sele* меч - в указателе ТМС II, 926а с переводом и в цитированной выше статье сэлэ "железо"). Этимологическая связь слов *сэлэмэ* "сабля", "меч" и *сэлэ* "железо" сомнений ни у кого не вызывает, но тем не менее в МЧП мы находим три резко различных написания корневой морфемы. Это важный аргумент в пользу совершенной произвольности записи слов, в особенности иноязычных слов, средствами малого чжурчжэньского письма, что подрывает самую возможность какой-либо сепаратной фонетической реконструкции "чжурчжэньского" языка.

Отождествление ма. *ajsin* золото с названием золота в монгольских и тюркских языках остается проблематичным прежде всего в силу необъяснимости наблюдаемых переходов, не имеющих аналогов в других словах. Регулярные звуковые переходы, предполагаемые для данного слова, не имели места в маньчжурском языке. Поэтому напрашиваются предположения о том, что либо оно заимствовано в маньчжурский из неизвестного нам тюркского языка или архаического состояния тюркских языков. В этом случае имеется возможность заняться изучением таких предполагаемых тюркизмов в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, которые по своему облику не соответствуют словам древних или современных тюркских языков и соотносятся либо с "прототюркским" состоянием, которое должно быть древнее общетюркского (в нашей реконструкции оно близко к монгольскому и тунгусо-маньчжурскому), либо с "паратюркским" состоянием, которое соотносится с ныне неизвестными утраченными тюркскими диалектами или языками.

В отношении маньчжурского слова *ajsin* 'золото' напрашиваются два решения: или слово *altun* в тюркских языках является монголизмом, но заимствовано в маньчжурский из тюркского языка с тенденцией к утрате преконсонантных согласных и изменению постконсонантных согласных, либо это слово является тюркским (этимологические выкладки тут не очень убедительны), но заимствовано в маньчжурский язык из какого-то диалекта с тенденцией к изменению групп согласных.

Маньчжурское слово *эйхэн / ejxen* / 'осел', хотя и демонстрирует черты сходства с монгольским *elzigen*, однако же невыводимо из него, пусть оно и сравнивается с монгольскими и тюркскими названиями осла: ма. *эйхэн* осел (запись чжурчжэньской графикой 'oh-hen, ejxen осел), нан., ульч., нег. *эйхэ*, сол. *элзиг* осел + п.-мо. *elzigen* осел + др.тюрк. *ельБк* осел. ТМС II, 447а элзиг.

Маньчжурская форма названия осла *ejxen* настолько специфицирована по отношению к монгольским и тюркским словам, что трактовать ее как монголизм в высшей степени легкомысленно и лишено каких-либо обоснований. В равной мере выведение монгольского слова *elzigen* из тюркского *ельБк*, предлагавшееся одним из тюркологов, конечно, возможно, но по обоснованности это напоминает попытку потянуть ишака за хвост с целью сделать его длиннее...

Однако не исключено, что слово *ejxen* 'осел' заимствовано из какого-то тюркского языка типа якутского языка - такого, в каком имел место переход ш > с > х, но еще не полностью утратился преконсонантный согласный, изменившийся в j. Тогда тюркское слово ельак, е(j)хак попало в маньчжурский язык в виде *э(j)хэк с последующим переходом конечного -к > -н.

Переход различных по качеству ауслатных согласных в -н в тунгусо-маньчжурских языках, имевший место на уровне общеалтайского состояния и, очевидно, распространявшийся на ранние заимствования, ранее как будто бы специально не отмечался. Между тем он подтверждается достаточным числом примеров, иллюстрирующих переход в согласный [н] нескольких различных согласных. Примеры:

l > n: т.ма. *чу* □ *гун* впадина - мо. *цунхээл* впадина; ороц. *гу* □ *гэ(н)* смола - мо. *гүгэл*; эвенк. □ *э:ри:н* свет - мо. *гэрэл* свет; эвенк. *эмгун* седло - мо. *эмээл* седло (тот же корень в др.-тюрк. *qmzъk* лука седла), эвен. *тэ:ркэн бяг* полная луна - мо. *dergel sara* полная луна.

ng > n: эвен. *докла:н* хромой - п.-мо. *dogulang*; ма. *кубун* пух - п.-мо. *kqbeng*; эвенк. *чилчун* опухоль - п.мо. *colcung* (= тюрк. *льльль*); эвенк., эвен. *-лан* суффикс имен искусного деятеля - мо. *-lang*, тюрк. *-лак*

г > n: ма. *арбун* вид - мо. *хэлбэр* форма, вид (= тюрк. *кер*), эвенк. *авдун* берлога - мо. *хэвтэр* лежка животного; ма. *шо* □ *кон* гасха ловчая птица, мо. *songxur* сокол, кречет (тюрк. *songqur* кречет и *lungqar* сокол, алтайский кречет < мо.); эвен. *-бган* суффикс отглагольных имен - мо. *-маар*; т.-ма. *-ча:н* уменьшительный суффикс - мо. *-нцар*.

j > n: эвенк. *аран* едва - мо. *arai*, узб. *ара* □ едва; эвенк. *хорон* макушка - п.-мо. *oroï*; эвенк. эвен. *-маган* суффикс имен "любитель чего-либо" - мо. суффикс прилагательных - *tagai*; эвен. *-лган* суффикс имен орудия - мо. *-лгий* (ср. мо. *нээлгий* крышка).

Данный переход финальных согласных в [н] не имел фонологических оснований - это было чисто морфонологическое явление, обусловленное частотностью согласного [н] в суффиксах, занимающих в словоформе финальную позицию.

Еще один аргумент в пользу тюркского происхождения маньчжурского *ejxen* и реальности архетипа *ejхак - нивхское слово *ыйһи* 'осел', которое в ряду других слов молчаливо признается заимствованием из маньчжурского или нанайского языков. Однако ауслатный узкий гласный [и] в нивхском языке, как и в тунгусо-маньчжурских языках, похоже, восходит к комплексу "широкий гласный + заднеязычный согласный"; во всяком случае, это слово не было заимствовано из маньчжурского языка, где оно имеет конечный -н.

В качестве еще одного примера слов тюркского происхождения в маньчжурском языке можно привести слово "колодец": ср. ма. *хучин, кочин* (Сиб) 'колодец, источник, из которого берут воду', нан. *хочи(н)* 'колодец, родник', сол. *худуг* <мо. колодец + п.-мо. *xudug* колодец ТМС I, 475а худуг. Запись слова знаками малого чжурчжэньского письма опять же маловразумительна и выглядит как *hi-shih* с очевидным маньчжурским чтением *hucin* 'колодец' (там же).

Рассматриваемое слово - несомненно тюркское: ср. др.-тюрк. *qudug, qurug, qujug* колодец (ДТС 436б, 464а, 464б). Однако обоснованием того, что данное слово является заимствованием из тюркских языков, является не внешнее сходство, а комплекс следующих фактов: 1) в самих тюркских языках форма *кудук* с инлаутным -d- встречается в тех языках, где на ее месте ожидался бы -j- ср. узб. *кудук*, ккалп. *кудык* колодец; караим. *кудух* колодец (Р 2 1003); 2) Наличие у этого слова значения "родник" у телеутов (Р 2 1002) наводит на связь этого слова с тюркским глаголом *qud-* 'лить'; 3) Монгольским эквивалентом этого тюркского глагола является мо. *гулдрих* 'течь, струиться'. Солонское название колодца заимствовано из монгольского языка, нанайское - из маньчжурского. Маньчжурская форма и

ее соответствие в МЧП, похоже, заимствованы из такого тюркского языка, который имел на месте общетюркского звонкого интердентального спиранта [p] глухой спирант или даже аффрикату [ч]. В современных тюркских языках такие рефлексы этого интердентального спиранта в позиции внутри слова не засвидетельствованы - следовательно, перед нами пример той возможности выявления в заимствованной лексике несомненно тюркских черт, но таких, которые не существуют в известных древних и живых тюркских языках.

Очевидно, такую же историю имеет маньчжурское слово *хончун, хунчу, хунчун* 'санки, салазки' (ТМС 1, 471а), изолированно стоящее среди тунгусо-маньчжурских слов - эвенк., негид. *ке:лчи* 'лыжа-волокуша', нан. (Бикин) *кжлчики* 'лыжи-голицы' (ТМС 1, 388а), на общеалтайском уровне сравниваемых с турецким *kizak* 'санки', где маньчжурская форма занимает промежуточное положение между тунгусо-маньчжурскими и тюркской формами; она несводима к другим тунгусо-маньчжурским формам (наблюдаемые соответствия нерегулярны) и, очевидно, является таким же старым тюркским заимствованием в маньчжурском языке, как и другие рассматриваемые здесь слова.

Настоящие заметки призваны явить собой наглядный пример того, хотя общеалтайская реконструкция и содержит множество проблем и неясностей, на сегодняшний день только некоторые принципиально новые идеи в общеалтайской реконструкции и признание генетического родства алтайских языков позволяют говорить о каких-то новых перспективах исследования межгрупповых заимствований в алтайских языках. Наиболее надежным критерием для определения заимствований оказываются отступления от общеалтайских фонетических соответствий - точно так, как это имеет место при исследовании других языковых групп. Конечно, можно продолжать приводить пространные списки сходно звучащих слов, на основании общих историко-культурных соображений устанавливать направление заимствований и по третьему-четвертому разу преподносить без упоминания тот материал, который уже содержится в "Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков" (Л., 1975, 1977). Но тогда по результату предпринятого получится нечто похожее на текст, составляемый из упоминаемых выше маньчжурско-тюркских лексических сходств, а именно:

маньчж. *ajsin ejxen xucin de tuxefi* = тюрк. *altın елак қуруқта* - это понятно без комментариев: "золотой осел в колодец..."; последнему маньчжурскому слову на общеалтайском уровне соответствует по грамматическому показателю татарское *т□шен*, а по значению корневой морфемы и турецкое *длътль* 'упал' - корень со значением "падать" является общим для тунгусо-маньчжурских и тюркских языков, хотя согласный *ль* в данном случае скорее суффиксальный).

Повторим еще раз - дальнейшее исследование межалтайских заимствований сколько-нибудь перспективно только при признании генетического родства алтайских языков, так как вновь выявляемые примеры заимствований не только не противоречат модифицированной реконструкции, но довольно эффектно подтверждают ее правомерность.

Примечания

В.И.Цинциус, Т.Г.Бугаева. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С.21. Этимология там же, с.22-23.

А.М.Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С.123.

А.М.Щербак. Ранние тюрко-монгольские языковые связи. СПб., 1977.

А.А.Бурыкин

Корейское све “железо”
и тунгусо-маньчжурское сэлэ “железо”

□□ wlyiq I ai жльпцър

В.И.Цинциус, Т.Г.Бугаева. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках //Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С.38-40. С тунгусо-маньчжурским сэлэ сравнивалось только корейское (синокорейское) чх)л железо и тюрк. temur железо (там же, С. 37). Сэлэ

Кор. све железо - эвенк. сэлэ железо

кор. тведа - эвенк. турку- выйти, тюрк. togu- рождаться

кор. хй) язык. мо. хэл(эн), эвенк. инн"и, ма. илэнгу

кор. квитхыль сруб колодца - т.-ма. куре ограда

кор. нви кто - нанайск. уй

кор. ке краб - мо хавч рак, эвенк. кеймеччи

кор. хеда плавать - мо. хайвах плавать

кор. мве гора - мо. байц утес, алт. межелик, тув, мажалык сопка.

кор. ве отдельный, один, одинокий, единственный - бир.

кор. те служебное слово, употребляющееся после причастных форм сказуемого - dur

кор. хвида гнуть - т.-ма. ул-

кор. хвидетта размешивать - т.-ма. улку-

Вторичность л/р:

кор. ккори хвост -quidurga

кор. пори ячмень - bugdai

кор. пве льняное полотно *bere < bez

кор. м)ру виноград амурский - мэсуктэ

Дифтонги на месте -н"

кур)нь яма - кэн"гулэ

курида вонючий - унн"э запах

кй)л волокно, жилка - онн"элэк аорта, ун"икта кровеносный сосуд,

седа считать -тан" тюрк. сан"-